

ЯНА КОЛЬТ
ОСТРОСЮЖЕТНЫЙ
ЛЮБОВНОЙ
РОМАН

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Только тебя,
СПЕЦНАЗ

Яна Кольт
Только тебя, спецназ!
Серия «Спецназ штурмует
сердца», книга 2

<https://litres.ru/74653578>

SelfPub; 2026

Аннотация

- Пусти меня, - хочу вырваться из стального захвата Марса, но он сильнее сжимает ладони на моей талии.

Притягивает к себе, без шансов на спасение.

- Лия, маленькая - озадаченно бурчит Марс, ощупывая мой лоб, - ты вся горишь.

Закрывает собой от резкого порыва ледяного ветра. Непогода в горах к ночи крепчает.

- Отвези меня домой, - стараюсь не смотреть на горячие губы, - мне холодно.

Только б не столкнуться с ним взглядом.

- Лия, надо поговорить.

- Нет, - сквозь слезы вырывается из меня, - не сейчас.

Уже однажды «поговорили».

Больше никакого спецназа!

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Билет на балет	12
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Яна Кольт

Только тебя, спецназ!

Пролог

– Давай же, покажи на что ты способна, Лия!

Ледяная усмешка Шамиля не сулит ничего хорошего. Надо выбираться отсюда, любым способом. Но для начала, хорошо бы понять, где мои вещи.

Джинсы, свитер, куртка... и теплые ботильоны. Где они?

Без них моя затея сбежать, обречена на провал. Фатиновская балетная пачка и атласные пуанты – не лучшая экипировка, чтобы уходить от погони по лесистым склонам гор.

За стеклянной перегородкой, в нише – камерный квартет музыкантов, разыгрывается к моему номеру, настраивают инструменты. Мой персональный ад должен звучать идеально. Несмотря на то, что терраса надежно защищена от ледяного ветра, инстинктивно ежусь когда на деревянном полу оседают мокрые листья.

Включенные инфракрасники греют всех, кроме меня.

Шамиль плотоядно улыбается и кривит бровь в изгибе.

Все для него.

– Танцуй, птичка, – тягучий голос пропитан пугающей, кавказской хрипотцой, – твой отец думал, что сможет просто

так выйти из моих нефтяных схем? А ты наивно надеялась что за тобой кто-то придет?

В точку.

И сейчас мне лучше не думать *о том*, на кого я втайне надеялась.

Капитан Арсенин, позывной Марс, спецназ. Только он один может прийти за мной, вырвать из лап этой беснующейся своры. Однажды спас, но с тех пор многое встало на свои места.

Где он сейчас, с кем? Наверняка, ему и дела нет до меня.

Не могу заставить себя сделать привычное движение и начать танец. Меня колотит, тело напрочь отказывается слушаться.

Деловые партнеры Шамиля, такие же бандиты, с интересом глазеют на меня. Так, словно я – маленькое беззащитное животное, над которым очень весело потешаться. Ни у кого в глазах не замечаю даже капли сочувствия. Они уже предвкушают свое угощение.

И сегодня это – я.

Нетерпеливый хлопок ладонями и резкий гортанный выкрик Шамиля взрывает тишину.

Звучит музыка, мое сознание медленно гаснет, но тело включает аварийный режим и само вспоминает нужные балетные движения.

Стараюсь не встречаться глазами с сидящими вокруг импровизированной сцены, партнерами Шамиля. Отключаюсь

от всего и механически танцюю адажио.

Ирония судьбы, всегда хотела станцевать партию Одетты из «Лебединого озера». И вот, сбылась мечта в мои двадцать лет. Да вот кто ж знал, что это станет моим последним танцем.

Если бы только найти свои вещи...

Скрипка и виолончель на пару тревожно ведут музыкальную тему Одетты, но даже отличная акустика заглушается порывами ночного, ноябрьского ветра. Чудится, что к ним примешивается надрывный волчий вой со стороны заповедника.

Кругом горы и к ночи непогода лишь крепчает.

Мокрый шелк атласных лент впивается в щиколотки, тело немеет от холода, пальцы уже ничего не чувствуют. Однако это в тысячу раз лучше, чем то что ждет меня по окончании танца.

Музыка заканчивается и я оседаю в плие, не в силах поднять глаза на зрителей. Сердце колотится, мне страшно. Руки складываю в «лебединые крылья» и сквозь звон в ушах слышу, как Шамиль властно требует, чтоб я снова танцевала.

Значит, у меня есть еще несколько минут...

Снова поднимаюсь на пальцы, замерзая и уходя в непрерывное, плавное движение. Взмахи руками, вращения... держать осанку – тело помнит то, что я всеми силами пыталась забыть.

Каждое движение причиняет боль, ноет ушибленная ко-

ленка. Сдерживаю слезы, но понимаю, что надолго меня не хватит. Игра окончена.

Из элитного загородного особняка Шамиля Корханова мне не вырваться. Коршун не отдает то, что считает своей добычей.

Нога подкашивается, и я со всего маху падаю на жесткий, навощенный до блеска, паркет. Боль ослепляет, но я судорожно поднимаюсь и продолжаю кружиться. Останавливаться нельзя. Пока играет музыка, я дышу.

Делаю взмахи руками, и отчаянно жалею, что у меня нет крыльев. Не тот я лебедь, который может просто взлететь и выпорхнуть из этой ловушки.

Меня знобит от мокрого, ледяного ветра. Кажется, поднимается температура. Отчаянно хочется пить, сознание плывет.

Скрипка за стеклом взрывается двойными струнами, ей тревожно вторит виолончель. Уже не пойму, то ли на автомате кружусь в танце, то ли это голова моя кружится, а реальность мельтешит и отходит на второй план.

Последние секунды моей условно-свободной жизни. И перед глазами отчетливо вижу образ Марса. Его нахальную улыбку, горячий и откровенный взгляд. Нечего даже и думать, что он спасет меня.

Капитан Арсенин лишь посмеялся над моими чувствами, неуклюжая и неопытная девочка ему совершенно была не нужна. Если бы я могла жить дальше, то уж точно обходила

бы стороной все, что связано со спецназом.

– Никакого спецназа в следующей жизни...

Голос сипнет и едва звучит с перепугу, сухие губы почти не шевелятся. Ловлю торжествующую, едкую ухмылку Шамиля.

Пошатываясь и шурша балетной пачкой, оседаю на мокрой сцене в обречённом плие, как раз в тот момент, когда смолкают скрипки и виолончель. Встать я не смогу, ноги больше не слушаются.

Отчаянная надежда на спасение тает с каждой секундой.

– Прощайте, капитан Арсенин... – горько шепчу в пустоту, мысленно прощаясь с нахальным и горячим спецназовцем с позывным «Марс».

Мое время вышло. Шамиль нависает надо мной, покровительственно протягивая руку, обтянутую лайковой перчаткой. Зажмуриваюсь, готова лишиться чувств...

Элитный особняк вибрирует от взрыва гранаты.

Панорамные стекла террасы с оглушительным грохотом разлетаются в осколки. Зала наполняется ослепительными всполохами и едким, густым дымом.

Сквозь белесую пелену, прорезают пространство красные лучи и точки лазерных целеуказателей.

– Работает спецназ! – громкий крик тонет в глухом, ритмичном стрекотании автоматов с глушителями.

Сильные, горячие руки подхватывают меня, буквально отрывая от паркета.

– Лия, за мной!

Голос низкий, хриплый от адреналина и жесткий, но до боли родной. Марс все–таки нашел меня в этом аду...

На террасе раздаются короткие, хлесткие очереди. Соболев и Варяг зачищают периметр, оттесняя нас с Марсом в слепую нишу за мраморными колоннами. Марс вскидывает свой «Скорпион» и короткой очередью укладывает двоих охранников Шамиля прежде, чем те успевают навести на нас оружие.

Но самого Коршуна нигде нет. Он снова ускользнул в суматохе.

– Пусти меня, – я пытаюсь вырваться из стального захвата Марса, но он лишь сильнее сжимает ладони на моей талии, прижимая к себе.

– Черт, маленькая... – озадаченно и зло бурчит Марс, ощупывая мой лоб, – ты вся горишь.

Сбрасывает с себя камуфляжную куртку и накидывает на меня. Как раз вовремя, успев заслонить меня от резкого порыва ночного ветра, врывающегося сквозь разбитое стекло. Но под курткой Марса, пахнувшей порохом, горным ветром и диким, терпким тимьяном, я мгновенно задыхаюсь от жара.

– Отвези меня домой, – ядовито бубню ему в лицо, стараясь не смотреть на горячие губы... – мне холодно.

Только б не столкнуться с ним взглядом.

– Лия, надо поговорить, – перебивает Марс, на автомате выхватывая пистолет из кобуры. Как раз вовремя, остано-

ливая одного из бойцов Шамиля. Его тут же перехватывает Соболев, технично пакует в наручники.

– Нет, – сквозь слезы вырывается из меня, – не сейчас.

Уже однажды «поговорили» ...

Да только теперь я – не та влюбленная дуручка, которая по наивности повелась на обаяние капитана Арсенина.

Больше никакого спецназа!

– Ложись, – не своим голосом орет Варяг, и Марс мгновенно реагирует на приказ.

Подхватывает меня, накрывая своим телом, и резко уходит в упор на мокром паркете, пряча мою голову в изгибе своего мощного плеча. Звериные инстинкты работают молниеносно.

За миг до взрыва.

Пол вибрирует. Ночная буря беснуется, швыряя на террасу мокрые листья и пригоршни ледяного дождя. Всхлипнув под Марсом, пытаюсь выбраться, балетная пачка с треском рвется. Замечаю темное, мокрое пятно на его плече. Кровь...

– Ты ранен, – в ужас выдыхаю ему в губы.

– Царапина, – отмахивается Марс и в потемневших глазах полыхает первобытная жажда, – но мне приятно, как ты волнуешься.

– Ненавижу, Арсенин, – возмущенно шиплю и пытаюсь увернуться от поцелуя, – даже не думай.

Яростно упираюсь кулаками в его грудь, хочу оттолкнуть. Его горячие губы накрывают мои – властно и требовательно.

Пытаюсь плотно сомкнуть губы, но всхлипнув, неумело отвечаю на его безудержный напор.

Так не целуют.

Так захватывают территорию.

Глава 1. Билет на балет

Тремя днями ранее

ЛИЯ

– Теперь придется привыкать к новой жизни, моя дорогая. Динара произносит это, попивая кофе, и её холёный, безупречно наманикюренный ноготок лениво скользит по дорожному фарфору.

По нашему фарфору. По маминому.

Как же меня тошнит от этого её «дорогая». Актриса из моей мачехи – позорно и откровенно никудышная, театральный вуз зря пытался над её дипломом с отличием. Впрочем, оплаченным из кармана моего отца.

Как и швейцарские виниры, которыми она сейчас так скорбно улыбается, и фривольный шелковый халатик, и сам дом. Дом, из которого меня сейчас технично выставляют.

Мне физически больно находиться здесь, в доме моего детства. Солнечном и гостеприимном. Кажется, родные стены, ещё хранившие запах отцовского парфюма, теперь насквозь пропитались липким, сладковатым ароматом духов Динары.

Ароматом мародерства.

– Динара, давай короче, мне нужно в университет.

Перебиваю, даже не пытаюсь играть в приличия. Зря я вообще приехала в этот дом, но надо было забрать свои вещи.

Спортивная сумка, куда я наспех скинула учебники, конспекты и кое-какую косметику, тяжело оттягивает плечо.

Её надо как-то дотащить до моей квартиры.

– Лия, солнышко мое, – на её лице проступает та самая плаксивая мимика, которую она репетировала для кастингов на роли «страдающих героинь», – ну кому сейчас легко? Твоего папу подстрелили, счета заморожены, идет следствие. Надо учиться быть сильными. И... экономными. Я тут пересмотрела некоторые статьи расходов.

– Счета заморожены, Динара. Какие расходы ты вообще можешь пересматривать? – внутри начинает закипать злость.

Динара победно вскидывает подбородок.

Глаза у нее сухие и торжествующе–ледяные.

– Вот и я о том же. Прежде всего, тебе временно придется обойтись без личной охраны.

Без личной охраны?

На миг мне становится больно, хочется сжаться и просто лежать без движения. Но всего лишь – на миг. *Предатели*, которым отец безгранично доверял даже мою жизнь, и так уже разбежались, стоило папе загреметь в реанимацию под конвоем.

Но официально за мной еще числились двое ребят из его старой гвардии. И Динара сейчас убирает последний щит.

Фактически, сейчас меня еще охраняли люди моего отца. Но я не обманываюсь в том, что это – не более чем формальность. Лия Трубецкая – *не та*, ради кого можно рисковать

жизнью. Нелепо и больно верить в сказки.

Впрочем, этой бестолковой курице Динаре не помешало бы кое-что напомнить.

Делаю шаг к столу.

– Быстро же ты забыла, что говорил папа перед покушением. Он оставил неприкосновенный запас наличных. Специально на случай ареста счетов, он ведь догадывался о возможном покушении. Там было больше чем достаточно, чтобы оплачивать безопасность. Где эти деньги, Динара?

Левая точеная бровка-ниточка удивленно ползет вверх. Она переигрывает мерзко и безыскусно.

– Как благородно с его стороны, Лия. Как заботливо. Только Виктор совершенно не предусмотрел и другие расходы. Которые тоже никак не отменить и не перенести, не отсрочить. Вот и приходится выкручиваться.

Смотрю на её идеальную укладку, на золотые часы на запястье и понимаю все слишком хорошо. Папа еще на аппаратах, врачи не дают прогнозов, а крысы уже всю делят корабль. Наличку отца она просто прикарманила.

Встаю и подхватываю спортивную сумку, в которую сбросила свои учебники, косметику и разные мелочи. Динара молчит и не останавливает. Чем скорее я уберусь из этого дома, тем лучше ей.

Динара всего на семь лет старше меня.

Останавливаюсь в дверях, разворачиваюсь к своей мачехе.

– Платье, – медленно говорю и наблюдаю за реакцией этой гадюки.

– Какое еще платье? – Динара моргает и вот теперь на ее лице недоумение искреннее, – ты что-то забыла в гардеробной?

– Черное платье, – ядовито улыбаюсь, глядя прямо в её расширившиеся зрачки, – которое висит в самом конце твоего шкафа. Шелковое, с экстремальным декольте. Случайно, не поторопилась?

Кукольное личико Динары мгновенно идет багровыми, уродливыми пятнами. Она шумно вытягивает воздух, сминая в ладони льняную салфетку.

– Так вот, не спеши срезать бирки, – добиваю, наслаждаясь каждой секундой её бешенства, – конфуз ведь случится. Отец сильный, он выкарабкается. И когда вернется, этот твой погребальный кутюр будет единственной вещью, в которой ты вылетишь из этого дома на панель. Трать наличные экономнее.

– Как ты смеешь, тварь! Хамку вырастили! – визжит Динара, мгновенно теряя весь свой столичный лоск.

Она резко тянется к хрустальной вазочке с конфетами, но я вовремя успеваю выскочить из кухни-гостиной. За спиной раздается оглушительный звон битого стекла и глухой удар об косяк.

Почти бегу по мраморной лестнице вниз, в сад.

– Лия Викторовна, – официально окликает меня один из

охранников, дежурящих у крыльца, – не стоит появляться на улице без сопровождения.

Поднимаю голову и внимательно гляжу на Андрея. Хороший мужик, чувствуется – с правильными принципами. Старая гвардия, уходящая.

Но Динара права – новая жизнь началась и лучше привыкать к ней с самого начала.

– Андрей, спасибо. Но я сейчас только в университет, а затем – на свою квартиру. И да, если вы еще не в курсе, Динара не будет продлевать с вами договор на следующий месяц. Как и с другими сотрудниками службы безопасности. Увы, сейчас все финансовые вопросы в ее ведении.

Охранник молча кивает и на миг в уголках рта появляется едва заметная усмешка.

– Не волнуйтесь, Лия. К этому все шло. Ваш отец сильный, он выкарабкается. Легенды так просто не уходят. Может, все-таки вас довезти хотя бы до университета? Неофициально.

– Андрей, – из открытого окна кухни раздается истошный, базарный визг Динары, – срочно в дом. Быстро ко мне!

Воробьи, до этого мирно щебетавшие в кустах самшита, испуганно взлетают плотной тучей.

– Всего доброго, – поспешно киваю я и ухожу, мысленно поблагодарив мачеху за то, что избавила от лишних уговоров.

Мне до острой одури сейчас хочется побыть одной.

Утихомирить тот бардак, который сейчас беснуется в моей голове.

Выхожу за ворота и оглядываюсь по сторонам. Вместе с этим ветром под кожу пробирается стойкое, липкое ощущение надвигающейся беды. Подсознание прямо-таки кричит, вопит об опасности. Пространство вокруг кажется злобщим, притихшим в ожидании удара.

«Лови подсказки своего тела, маленькая. Если тебе страшно, значит мозг уже зафиксировал угрозу, которую ты еще не успела обдумать».

Голос Марса звучит в голове так четко, будто он стоит за спиной.

Мой личный ад и моя самая большая глупость.

Впрочем, еще неразумней сейчас вспоминать того, кто меня предал. Бросил, как раз в тот момент, когда я отчаянно нуждалась в нем.

Когда я поверила, что ради меня можно...

Телефонный звонок в кармане вибрирует так резко, что я вздрагиваю. На экране вспыхивает физиономия Альки. Подруга звонит уже пятый раз за утро. Знаю, что она беспокоится. Понимаю, что поступаю как последняя эгоистка, и сбрасываю звонок.

Мне слишком плохо. В последнее время на меня навалилось чересчур многое. И похоже, как-то справляться с этим мне придется в одиночку.

Вот только ветер сейчас ... слишком промозглый и рез-

кий. С деревьев срывает последние, почерневшие от влаги листья и швыряет их мне под ноги, размазывая по сырому асфальту. В такие моменты до боли, до безумия хочется забиться в угол с кружкой горячего шоколада. В своем доме.

Там, где любят. Где никогда не подставят. Не продадут и не предадут.

Но этого «там» больше не существует.

Его растащили мародеры.

Со стороны предгорий налетает шквалистый порыв, забираясь под тонкую курточку. Надо в университет, нельзя пропустить зачет. Лия Трубецкая – круглая отличница, ни за что бы себе не позволила такой выходки.

Поднимаю лицо к небу и даже не знаю, какой ответ ищу там. Вижу серую мглу, свинцовые облака и больше ничего, кроме надвигающихся сумерек. Слишком стремительных, впрочем для конца ноября – нормально.

Ноги сами несут к моей балетной студии.

Не замечаю, как оказываюсь перед входом в бизнес-центр.

Весь второй этаж залит ослепительным, праздничным, теплым светом. Сквозь огромные панорамные окна видно, как девочки упражняются у станков, как плавно взлетают их руки. Там тепло, там все мое родное. И пахнет канифолью, паркетом и чистым триумфом.

Мой телефон до сих пор вибрирует от рассылок и приглашений на мастер-классы... из моей прошлой, канувшей

в небытие жизни.

Останавливаюсь, дальше мне хода нет.

Глотаю слезы и закрываю ладонью рот, чтоб не сорваться в крик. Чтобы не завывать навзрыд прямо здесь, под срывающейся моросью ноябрьского дождя.

После того похищения... после той темноты и ужаса, я больше не смогла заставить себя встать на пуанты. Тело просто каменеет от страха, стоит мне услышать первые аккорды классической музыки.

Впрочем, это далеко не единственная странность, которую я притащила на себе из того ада после освобождения. Мой личный «букет» панических атак и навязчивые, странные обрывки мыслей ... на французском.

Но с этим пускай разбирается психолог.

Подсуетила ее мне лучшая подруга. Альке она помогла тогда четко, избавила от детских страхов. Вот, теперь моя очередь.

Марте Валерьевне, конечно, видней что со мной происходит. Хотя её копание в моих мозгах и нестандартные методы...

– Девушка, кофе? Сегодня скидка на лавандовый раф, грейтесь! – звонкий и жизнерадостный голос баристы выдергивает меня из оцепенения.

Маленький кофейный ларек примостился вплотную к главному входу центра. Из приоткрытого окошка идет блаженное, заманчивое тепло.

– Чай есть? С тимьяном, – на автомате спрашиваю и получаю утвердительный кивок.

Злюсь на себя. Уж лучше бы я выбрала этот чертов лавандовый раф или как там его, но не чай с травами. Хватит жить тем, к чему меня приучал Марс. Он предал. Мои чувства для него не значили ничего.

Забираю чай в бумажном стаканчике и с интересом гляжу на название кофейни на логотипе.

Nuova Vita... «новая жизнь» по-итальянски.

Смеюсь от нелепости своего положения. Как дурочка стояла, задрав башку и глазела на небо в ожидании знака, а ответ прилетел на копеечном бумажном стаканчике.

– Ну значит, добро пожаловать в новую жизнь... – шмыгаю носом и отпиваю глоток травяного чая.

Отца увидеть нельзя.

И дело даже не в том, что он лежит в ведомственном госпитале. Папа все еще не пришел в сознание. Да и вход в палату охраняется круглосуточно. Даже близких к нему не пустят. Дочь подследственного Трубецкого для них – пустое место.

Не положено.

Сил нет отвечать на совершенно идиотские вопросы следователей.

Например, кто мог экстренно перелить свою кровь моему отцу, когда тот был тяжело ранен и брошен всеми, до приезда скорой на место покушения. У следаков, если вдуматься,

интересное воображение, если такие странные вещи в голову приходят...

Какого признания от меня-то они хотят добиться?

Надо домой. Душит гнев, стоит лишь на миг вспомнить мародерское торжество в хищном взгляде Динары... Еще ничего не ясно, а стервятники уже слетелись на пир.

И самое гадкое, что я – абсолютно одна.

Тот, кому я поверила, предал меня.

Рядом со мной резко оттормаживается серебристый седан, покрышки с визгом скользят по мокрому асфальту. Новенькую «бэxu» заносит на тротуар. Сжимаюсь в комок и инстинктивно делаю шаг назад. Тяжелая немецкая иномарка перекрывает мне путь, обдавая ноги ледяными брызгами из лужи.

Задняя дверь открывается и из салона вальяжно выбирается тушка Рустама Корханова, моего однокурсника. И сына одного из ключевых партнеров моего отца, всесильного Шамиля. Впрочем, его все привычно называют коршуном.

После исчезновения Марса появляться в университете стало небезопасно именно из-за выходок Рустама. Прямо, хоть на заочное переводись...

– Надо же, Трубецкая, – толстые губы кривятся в издевательской ухмылке, а взгляд скользит по светящимся окнам балетной студии, – решила снова заняться балетом?

Внутри все обрывается. Откуда он знает? Я никому не говорила о том, что занималась балетом. Знает только Алька,

но она точно – никому.

Значит, его отец копал под всю нашу семью, вплоть до мельчайших деталей биографии.

– Садись, подвезу, – Рустам делает шаг навстречу, а его голос звучит приторно, с едва скрываемой угрозой.

Инстинктивно отступаю назад, но упираюсь спиной в холодное стекло ларька. Двое его амбалов из машины молча обходят меня сбоку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.